

Божественные слова

Семь лет спустя...

Война с демонами длилась уже седьмой год, когда один из правителей пал под клинками тьмы. И остался лишь один из бессмертных. Однако сами боги спустились во дворец Валесии, и там засиял ослепительный свет, и весь народ услышал голос: «Узрите, я возвещаю вам о возвышении единого, который окончит все войны. И мир воцарится среди людей. Однако для демонов настанут темные времена, и все они падут с небес, поглощаемые пламенем, а среди живущих будут плач и скрежет зубовой, ибо сказано было им: “Что несет в себе зверя, тем и править будет звериный разум”». И когда возвысили боги нового бессмертного во дворце Валесии, поняли демоны, что дни их сочтены, так как еще в бытность его смертным было имя ему Громогласный. Теперь же, избранный богами, он получил в свои руки власть небес, дабы отомстить тем, кто пришел, чтобы отнять у людей землю. И звали того человека Аркуменна. Имя его переживет все времена, ибо это имя спасителя.

Цитируется по книге «Несущий благо», начало II главы «Божественные слова», автор — Сакул, спутник святого Тьюдера.

Примечания Мелиандера Аркадийского к «Божественным словам»:

«Судя по всему, Сакул здесь использует более старинный текст. Так, в оазисе Валемаса в Расколоте мире была обнаружена стела, изображающая короля, поставившего ногу на шею эльфу с непропорционально большими ушами. В надписи на стеле этот король именуется Аркуменной, Молотом демонов, и указано, что был он возвеличен богами. Однако же, судя по

всему, он тоже был порочен, поскольку Тьюред заявил, что может быть только один бог. Тем не менее следует отметить, что «Божественные слова» представляют собой, вероятно, далекий отголосок событий, которые действительно имели место, а не являются, как утверждают невежи, всего лишь собранием выдуманных историй».

«Небеса в огне», отрывок из XXXVII главы книги «Пути альвов», составленной Мелиандером, князем Аркадии.

Живой Свет

Аркуменна поднялся по окровавленным ступеням дворца, не в силах отвести взор от лица бессмертного Ансура. В широко открытых серых глазах правителя все еще читался страх. «Я должен был быть здесь, — с горечью подумал Аркуменна, — а не вдали, на богом забытом поле битвы».

За его спиной умолкли тяжелые шаги обутых в кованые сандалии воинов. Он пришел сюда вместе с сотней лучших своих людей, едва получил известие. Обернувшись, полководец окинул взглядом широкий двор. Слуги и чиновники отпрянули, когда он посмотрел на них.

— Эй, ты! — Он указал на седовласого мужчину. Широкая пурпурная кайма на подоле его туники указывала на статус придворного чиновника высокого ранга. — Иди сюда!

Придворный нерешительно приблизился к нему, тщательно стараясь не запачкать свои сандалии кровью, которой были залиты ступени.

— Почему никого не похоронили? Как вы могли оставить голову правителя лежать на ступенях дворца? Так-то вы отплатили за великодушие Ансура?

— Мы... мы прогнали камнями ворон. Мы...

Аркуменна отвесил седовласому такую оплеуху, что тот пошатнулся.

— Ворон они камнями прогнали, — желчно повторил он. — Мне очень хочется бросить на поживу воронам всех вас.

Поднявшись по ступеням, он склонился над головой Ансура.

— Нет! — крикнул из толпы кто-то из слуг. — Демоница прокляла трупы. Тот, кто коснется их, умрет кровавой смертью.

Полководец рассмеялся:

— Если бы всякий раз, когда мне предрекали умереть кровавой смертью, я получал золотой, то сейчас был бы богачом.

Взяв голову Ансура за щеки, он поднял ее. Плоть уже становилась вязкой на ощупь. Из отрубленной шеи на мраморные ступени брызнули личинки, а омерзительный запах заставил Аркуменну отвернуться.

Почему боги не пришли на помощь Ансуру? Полководец не понимал этого. Какая подлая шутка судьбы — даровать такой конец бессмертному, любившему красоту. Быть убитым на ступенях своего дворца, где придворные просто оставили его на поживу личинкам.

Аркуменна поднял взгляд. Выше на ступенях, у входа во дворец, он увидел тела воинов: лейб-гвардия правителя. Он насчитал семнадцать погибших. Они сражались, пытаясь защитить Ансура. Они были единственными людьми чести в этом дворце, полном навозных мух, нежившихся в благосклонности Ансура и не пришедших на помощь правителю, когда он в этом нуждался. Даже после его смерти.

— Сколько демонов явилось во дворец под защитой темноты? — спросил он седовласого мужчину, все еще стоявшего у подножия лестницы.

— Это... была всего одна демоница, господин. И она пришла среди бела дня.

— Всего одна? — задумчиво повторил полководец, пытаясь сопоставить слова придворного с историями, которые слышал о покушениях на остальных бессмертных. — И она не принесла с собой темноту?

— Нет, полководец. Она появилась внезапно... Прежде чем кто-то успел выхватить меч, первые трое стражей были уже мертвы. Наблюдать за тем, как дралась демоница, было жутко.

Аркуменне уже доводилось сражаться с демонами. Он знал, что справиться с ними можно, если биться храбро и превосходить

их числом. Причина, по которой они постоянно стремились убивать бессмертных, была очевидна. Их время подходило к концу. Демоны знали, что проиграют войну в Нангоге. Долгое время сдерживать натиск людей, имевших численное превосходство, они были не в силах. Поэтому демоны пытались потрясти устои всех семи королевств, лишая их правителей.

Два раза они убивали бессмертного Плавучих островов. И теперь новый правитель не осмеливался занять место в Нангоге, убежденный, что его ждет та же участь. Было неудачное покушение на бессмертных Володи и Аарона, а прошлой осенью был убит бессмертный Акаоатль. Теперь царством Цапоте правил бессмертный Некагуаль. Аркуменна четко прослеживал стратегию этих атак, продиктованных отчаянием: то были теракты на войне, которую демоны не могли выиграть.

Он жестом подозвал Горация, капитана своей лейб-гвардии.

— Отнеси умерших в большой зал дворца и позаботься о том, чтобы их подготовили к похоронам со всеми почестями. Полагаю, ты не боишься этих мнимых проклятий демонов?

Гораций мрачно усмехнулся:

— Не слова ранят воина, а клинки. Слова — пристанище беззащитных.

— Вот и я так считаю, — согласился Аркуменна, после чего поднялся еще на несколько ступенек, ведущих ко входу во дворец, и положил голову Ансура рядом с его лежавшим на полу телом. Ласково провел рукой по слипшимся волосам умершего правителя. — Я отомщу за тебя, Ансур. Жаль, что ты не правил в более мирные времена. Тебе не...

Двор озарил ослепительный свет и стал медленно опускаться на землю, прогоняя все тени и не опалая глаз при взгляде на него.

Придворные и воины смиренно опустили на колени и склонили головы, пока не коснулись лбами мраморных плит дворца. Аркуменна тоже встал на колени, но голову не опустил. В центре сияния он увидел фигуру, сотканную из переливающегося света.

— Ваш сын убит, о Свет жизни, — произнес полководец, пытаясь не проявлять своего гнева и разочарования и в который раз задаваясь вопросом, почему девантары не могут лучше

защищать своих бессмертных. Ведь они — боги! И в их силах предотвратить убийства.

— Со смертью Ансура этот мир стал беднее на один огонек. — В словах бога звучала грусть, рассеявшая все остальные чувства Аркуменны. — Ансур был ярким маяком мудрости среди вас, людей. Тем, для кого искусство значило больше, чем завоевания, ибо знал он, что красота городов будет украшать его царство даже тогда, когда слава оружейная померкнет, превратившись в далекие воспоминания. Мы стали несчастны, ввязавшись в навязанный нам бой. Он горевал, что живет в эпоху, когда мудрость вынуждена подчиняться мечам.

Девантар приблизился к мертвому бессмертному, обратив свои слова непосредственно к нему:

— Ты был последним, кто заслуживал смерти от меча, Ансур. Мое сердце полно безмерной печали. У тебя было все, чем должен обладать бессмертный. Ты был величайшим сыном своего народа. Никто и никогда не закроет брешь, пробитую трусливой кровожадностью наших врагов.

Аркуменна не любил патетических слов. Иногда перед битвой он обращался с воззваниями к своим воинам. Он очень хорошо знал, как пробудить в них уверенность в победе и желание убивать. Какие слова подобрать, чтобы достучаться до сердец бойцов. Но он использовал их, чтобы затронуть души других, а самого его это никак не задевало. Эти люди были всего лишь инструментами для убийств, так же как меч в его руках.

Но на этот раз все было иначе. Его рассудок, как обычно, обрабатывал речь девантара, анализируя каждое слово. Признаться, бог не очень удачно подобрал слова, но, несмотря на это, они затронули душу Аркуменны. Неожиданно для себя он почувствовал, как глубоко внутри него что-то трепещет, вызывая тупую боль. И боль эта исходила не из сердца и не из живота. Ее нельзя было связать ни с одной частью тела, которую он мог бы назвать, но ощущение было такое, словно он, Аркуменна, величайший полководец Валесии, стал воплощением боли.

Живой Свет поплыл ему навстречу. И вдруг девантар протянул к нему руку. Прохладные кончики пальцев коснулись лба Аркуменны, и сияние божественности окружило его.

— Аркуменна из Трурии, стань же ты факелом войны, способным сжечь наших врагов и отомстить за смерть миролюбивого Ансура. Отныне ты будешь моим бессмертным!

Полководец почувствовал легкое жжение на коже. Его бронзовая кираса внезапно стала легче, а шлем изменился. Металл плотнее сомкнулся вокруг его головы, и осталась лишь узкая прорезь для глаз. Мужчина догадывался, что его доспех превратился в кожаную броню бессмертного, а на голове у него теперь такой же орлиный шлем, как тот, что когда-то носил Ансур.

— Слався, Аркуменна, бессмертный Валесии! — первым воскликнул Горацій.

Девантар исчез еще до того, как все остальные воины, ликуя, подхватили его клич.

— Слався, Аркуменна! — громко кричал весь широкий двор — слуги и придворные чиновники поспешно влились в общий хор.

Аркуменна ослабил оба шарнира по бокам нового шлема, откинул забрало, которое приобрело форму массивного орлиного клюва, а затем вообще снял роскошный шлем. Все получилось именно так, как он и рассчитывал. До сих пор девантары всегда делали преемником бессмертного первого достойного человека, который приближался к телу бессмертного. Бессмертный! Долог был этот путь — от мелкого провинциального князька сомнительного происхождения к высочайшей ступени. И это еще далеко не конец.

Он намеревался получить право говорить перед лицом девантаров, как когда-то поступил Аарон. И предложить богам свой вариант завершения войны с демонами. Нужно мыслить шире. И видеть далее следующей победы.

— Мой повелитель! — с гордостью в голосе произнес Горацій. — Позвольте поздравить вас. — И одноглазый капитан преданно поклонился. — Теперь мы надерем задницу Нангог, ее духам и мерзкому демоническому отродью.

— Обязательно! — улыбнувшись, уверенно ответил бессмертный и обернулся к придворным. Широко раскинув руки,

он заставил ликующих умолкнуть. — Я знаю, что бессмертный Ансур всегда держал при дворе нескольких поэтов. Я хотел бы попросить их подойти ко мне. Нужно сложить причитания для нашего правителя, и я желаю знать, кто чувствует себя в силах оказать ему эту последнюю честь.

Аркуменна удивился, когда из толпы придворных вперед выступило около десятка человек — семеро мужчин и две женщины. Подозвав их к себе, он велел Горацию навести порядок во дворце и послать за Гаем, которому предстояло взять на себя обязанности управляющего дворцом.

Первым к Аркуменне подошел изнеженный на вид безбородый юнец, на голове которого был парик из светло-русых женских волос. В отличие от остальных он пошел прямо по залитым кровью ступеням.

— О благодетельный герой! — страстно воскликнул он. — О меч справедливости и светоч для несведущих! Я имел честь быть последним, кому было позволено развлекать бессмертного Ансура своим поэтическим искусством. Первый среди великих всегда с особым удовольствием...

Резким жестом Аркуменна оборвал болтовню этого пустозвона, а затем, окинув колючим взглядом остальных поэтов, повысил голос:

— Подойдите ближе ко мне, на расстояние вытянутой руки, но не смейте прикасаться.

Правитель наслаждался, глядя на лица поэтов, на которых читалось удивление, смешанное с недоумением. Краем глаза он увидел, как Гораций разгоняет придворных, расставляет стражу на подходах к дворцу. Теперь в зоне слышимости находились только поэты.

— Я зажгу тысячу огней в благодарность за то, что мне была оказана честь первым говорить с вами, о многомудрый повелитель! — Юнец в драматическом жесте схватился за грудь. — Да продлится наш союз вечно...

— Молчи! — сердито прошипел Аркуменна. — Знайте, я не очень люблю поэтическое искусство. И если вы хотите в будущем пользоваться хотя бы крохами моего расположения,

заговаривайте лишь тогда, когда я спрошу вас. Я глубоко презираю льстецов и лизоблюдов и буду терпеть ваше присутствие при дворе только по одной причине: я знаю цену хорошей истории.

Бессмертный ненадолго умолк, чтобы дать небольшой группе людей возможность осознать смысл его слов, а затем уверенно продолжил:

— Я хочу получить по два произведения от каждого из вас: погребальную песьню в честь Ансура и эпическое сказание, самым трогательным образом описывающее мое вознесение в ранг бессмертного. Тот, кто сумеет убедить меня при помощи обоих произведений, получит особняк у моря и двадцать слуг в подарок. Но тот, кто разочарует меня... — Аркуменна обернулся к поэту с женскими волосами, — тот будет иметь честь сопровождать моих воинов в следующем бою с демонами, находиться в первом ряду, чтобы в дальнейшем суметь подобрать правильные слова при описании эпических событий. Конечно же, при условии, что он вернется с этой экскурсии живым.

Светловолосый поэт побледнел, и одна из поэтесс, худощавое создание с длинными рыжими волосами, смерила его презрительным взглядом. Аркуменна был совершенно уверен, что знает, о чем она подумала.

— Тот же, кто будет насмеяться надо мной в своих стихах или, упаси боже, превратит в тирана, с этим тираном и повстречается. Тот, кто объявит меня созданием света, тому вовек будет светить теплый свет моей благосклонности. Я хочу услышать ваши стихи через пять дней! — Он хлопнул в ладоши. — А теперь убирайтесь, мне нужно приводить в порядок королевство!

Мастера слова поспешно бросились прочь. Аркуменна понимал, что дух творца всегда мятежен. Возможно, Горацию придется позаботиться о том, чтобы с одним из этих мерзавцев произошел по-настоящему страшный несчастный случай. Тогда остальные поймут, как важно любой ценой заручиться его благосклонностью и заставить померкнуть память о бессмертном Ансуре при помощи новых хвалебных гимнов бессмертному Аркуменне.